

Мои вдохновения

Вдохновение... Слово-то какое возвышенное! Когда я произносила его последний раз? Наверное, когда отвечала на вопрос билета по творчеству Блока, который вытянула на экзамене по русской литературе двадцатого века. А было это шестнадцать лет назад. Слово, конечно, известное, но вслух его с того дня, кажется, не произносила вовсе. Ведь я не поэт, не художник, не музыкант. Вот кому вдохновение нужно. А у меня другие радости. И печали тоже другие. Но всегда ли мы говорим то, что чувствуем?

Про Рязань – всегда пожалуйста. Рязань родная, милая, почти как мама. Здесь родилась и живу. И даже высоко в горах, встречая крымские рассветы под запахи редких цветов и удивляясь величию южного солнца и моря, понимала: если бы дали выбор, все равно осталась бы не здесь, а вернулась домой. Помните про Шираз и рязанские раздолья? Не спорить и даже не возразить. Но вдохновляла и удивляла ли меня когда-нибудь родная земля?

Клекиковский район. Река Пра. Неширокая, мелкая, с водой цвета крепкого чая. В двадцатый пандемийный год мы купили байдарку и решили отправиться в водное путешествие по Оксскому биосферному заповеднику. Ни телефонов (первый раз была рада, что нет сети!), ни компьютеров, ни даже магазинов. Мы, природа и плеск весел. По краям реки цапли, стоящие на одной ноге, как статуэтки, в небе – хищные птицы с широко расправленными крыльями. А еще запах – сосновый, терпкий, очень густой. Берега – словно разглядываешь картины живописца. Потом были палатка, нехитрая пища на костре и ночь. Месяц лимонной долькой отражался в воде, туман стелился над рекой полупрозрачным одеяльцем. Глядя на это, начинаешь понимать и принимать то, что когда-то давным-давно читала у Паустовского – человека интересной судьбы, известного писателя, перед которым актриса Марлен Дитрих в знак признания его таланта однажды опустилась на колени. «Самое простое и бесхитростное счастье я нашел в лесном мещерском kraю», – написал Константин Георгиевич. В ту ночь я почувствовала то же самое счастье.

Рязанский район. Агро-Пустынь. Иду туда, где стоял дом, которого давно нет. Деревенское лето 1993-го. Я приехала погостить к прабабушке. Она вставала раньше петухов, пекла тонкие кружевные блины, варила пшеничную кашу обязательно с пригарочками, а потом мы вместе шли в сарай, где нас уже поджидали крошечные козлятки. Было и купание в речке, и ледяная колодезная вода, и душистая луговая земляника, а после и варенье из нее. А еще были разговоры. Долгие, задушевные.

Прабабушка рассказала удивительную историю встречи с моим прадедушкой после того, как она, устав от ожидания и уже не надеясь на лучший исход, попрощалась с ним навсегда. Прадед воевал на войне. Сначала от него приходили письма-треугольнички с коротким: «Я жив. Береги детей». Последний такой треугольничек пришел в конце 1943-го. И всё. Молчание. После победного мая возвращались с той войны уцелевшие мужики-односельчане. А прадед не пришел...

Как жила прабабушка? Как и все: в заботах о детях, скотине, огороде. Но помните: «Жди меня – и я вернусь»? И однажды раздался стук в дверь избы, закрытую на засов. Открывать поначалу побоялись, а открыв – не сразу узнали прадеда. Он рассказал, что был в плену у немцев, потому не мог дать о себе весть и потому пришел так не скоро. Прабабушка и прадедушка прожили долгую и непростую жизнь, умерли в одном месяце, но с разницей в год. Сложилось так, что дом, в котором у меня было много счастливых дней, после смерти прадедушки было решено продать. На его месте уже давно стоит другой дом – кирпичный, добротный, основательный. Но когда смотрю на него, мне чудятся с проложенной между деревянными рамами ватой резные окошки, которые выглядывают из-под высоких малиновых мальв. Повторится ли когда-нибудь то ощущение детского счастья? Наверное, нет. Но я живу теми воспоминаниями.

Рязанский художественный музей. Акция «Ночь в музее». Картина «Лед тронулся», написанная рязанским художником Архиповым. Простой незамысловатый сюжет: крестьяне в плохеньких одеждах вышли на берег

реки смотреть на ледоход. Минута – и я бы отправилась дальше по экспозиции. Но тут подошла экскурсовод. Энергичная, яркая, артистичная.

– Что вы видите на картине?

– Ледоход, весну, людей, – бойко перечисляю я.

Экскурсовод молчит, ждет продолжения. А я больше ничего не вижу, хоть что делай!

– Воздух, – после долгой паузы торжественно и тихо произносит она. – Вы видите, какой на картине воздух? Легкий, свежий, невесомый...

И я увидела. Почти почувствовала. Почти оказалась на этой картине среди крестьян, смотрящих на реку. Подумала: как же это сложно увидеть простую красоту, которая рядом, удивиться ей, а потом не раз переживать то волнующее воспоминание о ней. Этому надо учиться.

К чему я про Пру, про дом в Агро-Пустыне, про нечаянную встречу с экскурсоводом? К тому, что без вдохновения прожить, конечно, можно и не поэту, и не художнику, и не музыканту. Но интересно ли прожить так?

Для меня вдохновение – это вдох. Новый, свежий, чистый, дающий силы и желания для новых дел. Вот такие вдохи от светлых воспоминаний и случайных встреч были у меня на родной земле. И их я очень берегу.

Марина Конкина